

НЕУДАЧЛИВЫЙ «НАСЛЕДНИК»: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РЕЙХСКАНЦЛЕРА БЕТМАН-ГОЛЬВЕГА

Т.З.Шмидт

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Анализируются усилия правящих кругов Германской империи по ограниченной модернизации политической системы в начале XX в.

Фигура пятого канцлера Германской империи Теобальда фон Бетман-Гольвега (1909 – 1917) привлекает внимание историков главным образом в связи с международными противоречиями в Европе накануне Первой мировой войны, особенно в контексте пресловутого «Kriegsschuldfrage». Его политика «балансирования на грани войны» (die Politik des «aussersten Risikos») 1911 – 1914 гг. изучена в деталях.

Меньший интерес вызывали у российских историков усилия Бетман-Гольвега по внутренней модернизации империи до 1914 г. Он включается в этот процесс еще в эпоху «бюловского блока» (1907 – 1909), заняв пост статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел и превратившись в ближайшего соратника канцлера.

Именно с рейхсканцлером Бернхардом Бюловым (1900 – 1909) связывают последнюю серьезную попытку трансформации германской империи в монархию парламентского типа. Консервативные круги Германии упрекали, и не без основания, Бюлова в том, что он «превратил пост рейхсканцлера в слишком влиятельный, слишком самостоятельный, слишком могущественный главным образом благодаря слишком тесным отношениям с партиями»¹. Сам канцлер всегда отрицал, что его намерения состояли во введении «парламентского режима в западноевропейском смысле слова». Он относил это к области политических басен. «Истинные интересы нации, – считал Бюлов, – никогда не могут быть представлены одной партией. Они всегда посередине между теми политическими курсами, которые преследуются различными партиями»². Однако игнорировать потребность страны в политических реформах не мог в начале XX в. ни один стратегически мыслящий государственный деятель. К этому времени в Германии опасной черты достигли противоречия между уско-

ренным социально-экономическим развитием в индустриальном обществе и устаревшей политической структурой.

Перспектива постепенного реформирования полуабсолютистской политической системы казалась Бюлову привлекательной. Но Германия в этом направлении должна, по его мнению, пройти длительный этап «общего политического воспитания». «Бюловский блок» призван был сыграть в этом смысле свою роль. Используя терминологию самого Бюлова, задачи парламентского большинства могут быть сформулированы очень лаконично: «модернизация консерваторов», «политизация либералов» и изоляция социал-демократии³. «Правительство, – говорил Бюлов в своей последней парламентской речи, – благодаря консервативно-либеральной партийной комбинации хотело не только привлечь либералов к политическому сотрудничеству ... но и направить консерваторов в сторону здоровой эволюции. Тем самым оно хотело предотвратить противоречия и борьбу, которые могли бы серьезно подорвать политическое будущее Германии»⁴.

Рейхсканцлер понимал, что на пути назревших реформ стоят значительные силы в консерватизме. Называя себя консерватором «во всех главных существенных пунктах», Бюлов считал при этом, что настоящая защита государства «часто совершенно немислима без изменений существующих институтов»⁵. Разделяя государственный и партийный консерватизм, он осуждал крайне правые силы, делавшие основную ставку на использование насильственных либо антиконституционных методов господства. Потребности дня требуют, по его мнению, отказа «от вечных реакционных нападков, которые не имеют ничего общего с консервативными принципами»⁶. Свою борьбу против реакционно-догматического консерватизма Бюлов рассматривал не как борьбу

между либерализмом и консерватизмом, но как борьбу между «просвещенным консерватизмом» и «закостенелым консерватизмом».

Понимая, что ни один государственный деятель в Германии не может править более или менее продолжительное время без поддержки консервативных партий, Бюлов надеялся на одобрение своей умеренной программы политических и социальных реформ в рядах тех консерваторов, которые «поняли дух эпохи»⁷.

Под «политизацией» либералов Бюлов подразумевал переход левого либерализма в лице Свободомыслящего объединения и Свободомыслящей народной партии на более прагматические позиции, отказ от излишнего «теоретизирования» и завышенных требований к государственной политике. Либеральные партии, считал он, слишком «тяжеловесно переходят от теории к практике»⁸.

Осознавая необходимость «благоразумного постепенного перехода к более либеральной системе внутренней политики»⁹, Бюлов пытался также добиться ослабления напряженности между основными течениями, которые, по его мнению, только в единстве своих политических стремлений представляют «общую имперскую идею».

Привлечение либералов к государственной политике было мотивировано еще одним обстоятельством – желанием не допустить их сближения с социал-демократами. Уже находясь не у дел, бывший канцлер так раскрывал суть своей политики: «Наша современная монархическая и конституционная система ... может пасть лишь в том случае, если объединятся социализм и либерализм, рабочие и мелкая буржуазия ... Я всегда стремился дискредитировать социал-демократию в глазах образованной буржуазии»¹⁰. В период существования консервативно-либерального блока эта политика была очевидна многим, в том числе социал-демократическим лидерам. Август Бебель ставил точный диагноз замыслам канцлера, когда говорил: «Он пытается вбить клин между рабочей партией и либеральной буржуазией. После своей победы на выборах он хотел благодаря умеренным реформам, добровольным уступкам в духе современного развития лишит социал-демократию возможности действовать»¹¹.

Сотрудничество консервативных и либеральных партий в рейхстаге («соединение консервативного и либерального духа»), обеспеченное благодаря выдвиганию на первый план сильной национальной политики, казалось, давало Бюлову шанс провести в стране назревшие социальные и политические реформы в соответствии с его умеренно-консервативными взглядами. Осторожность и умеренность в проведении реформ были как бы заложены в самой компромиссной формуле блока. Обещая либералам осуществление их надежд на смягчение и модернизацию закона о союзах и реформу прусского избирательного права, Бюлов рассчитывал на такую корректировку законопроектов со стороны вольных или невольных союзников либералов из консервативного лагеря, которая сделала бы их приемлемыми и с точки зрения «государственных интересов». Канцлер надеялся, что либералы, не имевшие вследствие своей слабости и разобщенности никаких шансов на то, чтобы взять инициативу в свои руки, захотят использовать ситуацию для проведения даже ограниченных реформ.

Судьба законопроекта о союзах и собраниях, казалось, подтверждала эти расчеты. Несмотря на то, что согласно конституции Германской империи 1871 г. вопросы законодательства о союзах находились в компетенции империи, до 1908 г. действовали только земельные законы, большинство которых существовало с 1850-х гг. и которые подчас резко отличались друг от друга¹². В Пруссии закон, принятый после поражения буржуазно-демократической революции 1848 г., нередко превращал это право для демократических и социалистических сил в фикцию.

Предложенный в декабре 1907 г. правительством Бюлова имперский законопроект о союзах и собраниях был разработан под руководством Бетман-Гольвега. Он ограничивал полномочия полиции по надзору за союзами: руководство союза более не было обязано представлять полиции список членов союза и сообщать полицейским чиновникам, присутствующим на собрании, сведения о выступающих; был снят запрет на участие «женщин, учеников и учащихся» в собраниях и союзах. Однако значительное ужесточение даже по сравнению с прусским законом представлял параграф 7: «Все

речи и дискуссии на общественных собраниях следует вести только на немецком языке»¹³. Последнее положение противоречило даже конституции. Но «либеральные» методы господства давали трещину, когда речь заходила о национальных меньшинствах в Германской империи. Все прусские чиновники были в решении этого вопроса прямыми наследниками Бисмарка.

Так называемый «параграф о языке» делал невозможным одобрение законопроекта со стороны левых либералов. Между тем блок продемонстрировал в то время свою жизнеспособность, и между партиями был достигнут компромисс. С одной стороны, по настоянию консерваторов в закон было введено положение, запрещающее участие лиц моложе 18 лет в политических союзах и собраниях. С другой стороны, содержание параграфа 7 не распространялось на предвыборные собрания, и его вступление в силу должно было быть отложено на 20 лет в тех административно-территориальных районах, где у не менее чем 60 % населения немецкий язык не являлся родным. Кроме того, либералам удалось настоять на замене расплывчатого определения «союз, имеющий целью воздействие на общественные дела» более точным – «политический союз»¹⁴. Это должно было обеспечить некоторую защиту профсоюзов от полицейского произвола. Заключительное голосование в рейхстаге по законопроекту состоялось 8 апреля 1908 г. Он был одобрен представителями партий блока, против выступили Центр, социал-демократы, поляки, эльзасцы, датчане. Несмотря на то что закон 1908 г. по-прежнему содержал различные ограничения, он был все-таки шагом вперед в осуществлении принципа политической свободы и являлся известным завоеванием демократического движения. Принятие закона свидетельствовало и о значительном успехе новой политики рейхсканцлера и его статс-секретаря внутренних дел.

Все биографы Бетман-Гольвега подчеркивают большое влияние, которое оказал на его политическое становление дед – Мориц Август Бетман-Гольвег, профессор Берлинского и Боннского университетов, министр духовных, образовательных и медицинских дел в консервативно-либеральном прусском кабинете Шверин-Ауэрсвальда начала 1860-х гг. От него внук унаследо-

вал не только умеренно-консервативное мировоззрение и антипатию к любым демократическим преобразованиям, но и готовность уступать давлению времени, отказываться от неизменного сохранения старых форм¹⁵.

К тому времени, когда Бетман-Гольвег становится действительно государственным человеком, заняв ответственные посты в Пруссии и империи, его охватывают сомнения в разумности прусско-германской практической политики. После деловых поездок в Лондон и Париж в 1904 г. он пишет другу: «После этих стран горизонт собственной страны кажется слишком узким»¹⁶.

Консерваторы были недовольны назначением на пост, ключевой с точки зрения противостояния рабочему движению и социал-демократии, «колеблющегося», «сомневающегося» человека. Но назначение именно Бетман-Гольвега имело свой смысл. Русская революция 1905 г. показала европейской правящей элите тщетность применения силы в противоборстве с народным недовольством. Сама Германия в это время тоже охвачена массовыми забастовками и демонстрациями, особенно Прусское государство с его ограничениями и репрессивным законодательством.

Поэтому, комментируя закон о союзах 1908 г., Бетман-Гольвег отмечал, что «с принятием этого закона некоторое оружие в борьбе с социал-демократией конечно же выбивается из рук. Но так как в государствах с жесткими ограничениями в этой области не удалось помешать успехам социал-демократии, значит, этой цели надо добиваться не законодательными предписаниями»¹⁷.

«Бюловский блок» развалится в 1909 г., когда консервативные партии, напуганные планами либерально-демократических сил осуществить серьезные политические изменения, отвергнут правительственный законопроект налоговой реформы по почти надуманному поводу. Жизнеспособность блока зиждилась на равновесии консервативных и либеральных сил, их готовности к компромиссу. Следует отметить, что именно свободомыслящие, воспользовавшись всеобщим политическим возбуждением в стране, вызванным так называемой «Дейли телеграф-аферой» (осень 1908 г.), заявили о том, что связывают налоговую реформу с

конституционными изменениями с целью установления парламентской системы¹⁸. Это был подход скорее с позиции: все или ничего.

Лидер прусских консерваторов Э. фон Гильдебранд заметил в этой связи: «Вишер (Свободомыслящая народная партия) говорит о том, что нужно все управление и все законодательство наполнить либеральным духом. Консерваторы считают это нарушением равновесия в блоке. Есть консервативная эра, которая опирается на консервативные силы, и либеральная эра, которая поддерживается либеральными силами. Но либеральная эра, которая опирается на консервативные силы, – такого мир еще не видел»¹⁹.

Б. Бюлова противники обвиняли в «тихой парламентаризации» Германии не в последнюю очередь из-за его поведения после развала блока. Канцлер подает в отставку, что с точки зрения прусской традиции невозможно, невысказано. Выходя в отставку, Бюлов признавал косвенно верховенство рейхстага, т. е. создавал прецедент парламентаризма, противоречащий конституции страны. Конституция в этом случае предусматривает роспуск парламента, но в такой ситуации Бюлов должен был бы обратиться ко всем передовым элементам, призвав их объединиться для борьбы с консервативно-клерикальным большинством.

«Больше Бюлова во внутренней политике» – таким часто будет лозунг умеренно-реформистских сил до 1914 г. Он выражал, с одной стороны, ностальгию по эпохе надежд, когда перспектива постепенного реформирования полуабсолютистской политической системы казалась реальной, а с другой стороны, разочарование в деятельности наследника Бюлова на посту рейхсканцлера.

Между тем Бетман-Гольвег в конституционных и социальных вопросах стоял на позициях, близких Бюлову, и также остро ощущал необходимость осторожных реформ, в том числе в сфере управления империей. Речь не шла (как и у Бюлова) о контроле рейхстага над правительством, бюрократией и армией. На эту тему новый канцлер высказывался часто и довольно решительно. «Господа! – говорил он в рейхстаге 16 февраля 1912 г. – Рейхсканцлер, зависимый только от кайзера и прусского короля,

есть необходимый противовес самой свободной из всех избирательных систем, которая, в свою очередь, была дана князем Бисмарком только при условии, что бундесрат и рейхсканцлер утвердят свою самостоятельность»²⁰. В письме Бюлову от 14 июля 1911 г. он писал: «Розовый рейхсканцлер так же невозможен, как и черно-голубой»²¹.

Но реформа прусского избирательного права станет одной из главных внутривнутриполитических задач Бетман-Гольвега после назначения его на высший пост. В свое время он поддержал Бюлова на заседании прусского кабинета министров 29 сентября 1908 г. в его стремлении включить в тронную речь Вильгельма II перед прусским ландтагом заявление о намерении в будущем провести избирательную реформу, она была названа там «важнейшей задачей современности»²². Согласовать мнения партий коалиции по этому вопросу оказалось невозможно, и весь левоцентристский спектр рейхстага был убежден, что именно сопротивление реформе избирательного права в Пруссии предопределило позицию консерваторов в отношении налоговой реформы и «взорвало» «бюловский блок» в 1909 г.

Но проблема уже превратилась в одну из самых злободневных во всей политической жизни страны. В движение за реформу включились социал-демократы и сделали арену борьбы улицы и площади всех крупных прусских городов. Со времен так называемого «безумного года» (1848) Пруссия не видела таких демонстраций. Сторонники СДПГ требовали введения всеобщего избирательного права, в том числе для женщин и юношества. Общегерманскую избирательную систему стремились распространить на Пруссию свободомыслящие. Даже национал-либералы теперь призывали к отказу от одиозной трехклассной избирательной системы в пользу системы множественных вотумов.

В таких обстоятельствах сразу стало понятно, что предложенный в 1910 г. Бетман-Гольвегом законопроект, как выразился консервативный бургомистр Берлина Киришнер, «никого не успокоит»²³. Между тем цель, которую преследовал новый канцлер, настаивая на ограниченной реформе прусского избирательного права,

была вполне прогрессивной: «Пруссия должна освободиться от господства небольшой группы ост-эльбских аристократов. Это должно быть целью избирательной реформы, иначе она ни на что не годится»²⁴. Он, таким образом, стремился несколько укрепить позиции буржуазии в руководстве прусским государством и проложить дорогу либеральному консерватизму. Но слишком робкие шаги в этом направлении многим показались отсутствием всякого движения вперед. Так, российский либеральный журнал «Вестник Европы» опубликовал довольно саркастические впечатления собственного корреспондента от программной речи министра-президента на заседании прусской палаты депутатов: «Суть: аграрии не пользуются в Пруссии привилегированным положением, полицейского произвола не существует в стране, прусская бюрократия – одна из самых совершенных, дух прусского законодательства не оставляет желать ничего лучшего. Логично – избирательная реформа не нужна. Но Бетман-Гольвег не делает этого вывода. За него – консервативная пресса. Но предложенный проект практически соответствует этому невысказанному выводу – он ничего не реформирует»²⁵.

Все-таки некоторые изменения внесенный законопроект предусматривал. Во-первых, отмену системы выборщиков, переход к прямому голосованию. Во-вторых, использование нового способа подсчета голосов: не по участкам, а по избирательному округу в целом. В-третьих, введение так называемой «максимации». Последнее означало, что налоги засчитываются полностью лишь в размере не более 5 тыс. марок. Все налоги больше этой суммы приравниваются к 5 тыс. В-четвертых, получение определенными категориями избирателей третьего и второго классов права избирать в высших разрядах: избирателями третьего класса – избирать во втором, а второго – в первом. Речь шла о лицах с высшим образованием, офицерах, находившихся десять лет на службе, председателях и членах магистратов, лицах, уплачивающих не менее 1 тыс. 800 марок и имеющих полное среднее образование, и некоторых других категориях граждан²⁶. Эти предложения окажутся под огнем критики с двух сторон. Левые будут выступать против «куцых»

реформ, юнкерство – против «радикальных».

Законопроект был провален в прусской палате депутатов 27 мая 1910 г. Это явилось серьезным личным поражением Бетман-Гольвега. Он обнаружил полное неумение руководить лояльным правительству партиями в парламенте, в частности, не смог склонить на свою сторону национал-либералов, продемонстрировал отсутствие широкого государственного понимания современной действительности и самодовольное бюрократическое доктринерство.

Либеральная оппозиция требует отставки его не как ответственного министра-президента, потерпевшего неудачу в парламенте, но как чиновника, который компрометирует власть и монархию своими бесцельными конфликтами со всем общественным мнением страны. В то же время он потерял всякий авторитет в глазах консервативных партий, которые должны были ему служить опорой в парламенте.

При этом, как раз в разгар дебатов вокруг прусской реформы в письме своему другу видному историку Лампрехту Бетман-Гольвег формулирует своего рода критерии подлинно государственного человека. Последний должен, по его мнению, обязательно «вслушиваться в ход исторического развития», обладать талантом «распознавать под часто случайной и обманчивой поверхностью глубину и постоянное направление исторического движения»²⁷. Пропать между теорией и практикой ему не удастся преодолеть никогда. Не случайно за Бетман-Гольвегом закрепилась с первых дней слава «философа на канцлерском кресле» и репутация человека, «который гораздо больше в своей жизни думал и читал, чем наблюдал и действовал»²⁸.

Примечания

¹ Stenographische Berichte ueber die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd.229. S.1924.

² Бюлов Б. Державная Германия. Пг., М., 1915. С.106.

³ Bulov B. Denkwuerdichkeiten. Berlin, 1931. Bd.3. S.23.

⁴ Sten. Berichte. Bd.237. S.8586.

⁵ Бюлов Б. Указ. соч. С.109.

⁶ Sten. Berichte. Bd.229. S.1938.

⁷ Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С.44.

⁸ Bulov B. Op. cit. S.23.

⁹ Бюлов Б. Воспоминания. С.329.

¹⁰ Цит. по: *Кертман Л.Е., Рахимир П.Ю.* Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX – XX веков. М., 1984. С.121.

¹¹ Цит. по: *Bulov B.* Op.cit. S.65.

¹² Исследования по истории германского империализма начала XX в. М., 1987. С.95.

¹³ Там же. С.107

¹⁴ Там же. С.111.

¹⁵ *Gutsche W.* Aufstieg und Fall eines kaiserlichen Reichskanzler. Berlin, 1973. S.19.

¹⁶ Ibid. S.51.

¹⁷ *Bock H.* Staatliche Sozialpolitik in Deutschland. 1907-1914. Koeln, 1968. S.105.

¹⁸ Подробнее см. *Цфасман А.Б.* Бернхард Бюлов – рейхсканцлер Германской империи // Новая и новейшая история. 1992. №6.

¹⁹ Цит. по: *Westarp C.* Konservative Politik im letzten Jahrzehnt des Kaiserreiches.. Berlin, 1935. Bd.1. S.83.

²⁰ Sten. Berichte. Bd.283. S.67.

²¹ *Bulov B.* Op.cit. S.121.

²² *Цфасман А.Б.* Указ. соч. С.56.

²³ Вестн. Европы. 1910. Кн.5.

²⁴ *Schmoller G.* Zwanzig Jahre Deutscher Politik (1897 – 1917). Muenchen, 1920. S.65.

²⁵ Вестн. Европы. 1910. Кн.3. С.380.

²⁶ *Gutsche W.* Op.cit. S.73.

²⁷ Ibid. S.75.

²⁸ Рус. мысль. 1910. №3. С.177.

UNLUCKY «SUCCESSOR»: SOME TRAITS TO THE PORTRAIT OF REICHSCHANCELLOR BETHMANN HOLLWEG

T.Z.Schmidt

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva str., 15

The article is devoted to the analysis of the attempts of the German Empire ruling circles to modernize limitedly the political system in the beginning of the XX century.